

должна быть не управляемым государством, а народом, который сам управляет собой по возможности, без всяких посредников, без всяких господ. Верховной властью во всем, что касается жителей Парижа, должно быть не собрание выборных членов общинного совета, а *общее собрание секции* (отдела), «непрерывно заседающее» (en permanence), т. е. имеющее всегда право собираться без особого разрешения свыше. И если секции по взаимному соглашению решают подчиниться в общих вопросах мнению большинства секций, то этим они вовсе не отказываются от права вступать между собой в федеративную связь по взаимным симпатиям, посещать соседние секции с целью повлиять на них и всегда стремиться к достижению единогласного решения по всякому вопросу. Постоянное существование общих собраний секций должно, по их мнению, способствовать политическому воспитанию граждан; именно оно дает им возможность в случае надобности «сознательно избирать тех, чье усердие и ум они смогут заметить и оценить» (секция Матюренов)¹.

Постоянно заседающая секция, другими словами - всегда открытое вече, представляет, по их мнению, единственное средство обеспечить себе честное и разумное управление.

Наконец, замечает Фубер, в секциях всегда царит *недоверие ко всякой исполнительной власти*. «Тот, кто *исполняет*, имеет в своих руках силу и неизбежно будет злоупотреблять ею». «Это была также мысль Монтескье и Руссо», - прибавляет Фубер, и с ней мы вполне согласны.

Понятно, какую силу должен был придать революции такой взгляд на общественные дела, тем более что к нему присоединилось еще и другое соображение, на которое также указывает Фубер. «Революционное движение, - пишет он, - было направлено столько же против централизации, как и против деспотизма». Французский народ понял, по-видимому, уже в начале революции, что громадные преобразования, стоящие перед ним, как и насущные задачи, не могут быть выполнены ни всеобщим парламентом, никакой-либо центральной силой; что они должны быть делом *сил местных*; а эти последние для того, чтобы проявиться вполне, должны пользоваться широкой свободой.

Быть может, он думал также, что освобождение, завоевание свободы должно начаться с каждой деревни, с каждого города и что тогда таким завоеванием облегчится задача ограничения королевской власти.

Национальное собрание старалось, конечно, всеми средствами ослабить силу округов и подчинить их опеке городского управления, которое держало бы их под своим контролем. Муниципальный закон 27 мая - 27 июня 1790 прежде всего упразднил округа. Он хотел положить конец этим очагам революции и ради этого ввел новое деление Парижа на 48 секций, или отделов, и дал одним только активным гражданам, платившим известный налог, право участвовать в избирательных и административных собраниях этих отделов.

Но как ни старался закон ограничить секции, постановив, что они не должны заниматься на своих собраниях «никаким другим делом, кроме выборов и принесения гражданской присяги» (отдел. I, статья 11), ему не подчинялись. За год успели уже создаться известные привычки, пробиты были известные пути и секции продолжали действовать так же, как раньше действовали округа.

Впрочем, и сам муниципальный закон должен был уступить секциям те административные обязанности, которые были уже захвачены старыми округами. Мы находим поэтому в новом законе тех же 16 выборных комиссаров, что и раньше, и они должны нести не только разного рода полицейские и даже судебные обязанности, но администрация департамента может также поручать им «разверстку налогов в пределах их секций» (отдел IV, статья 12). Кроме того, хотя Учредительное собрание и отменило «непрерывность» заседаний, т. е. постоянное право секций собираться, не ожидая специального созыва, но ему тем не менее пришлось признать за ними право устраивать общие собрания, как только этого требуют 50 активных граждан².

Этого было достаточно, и секции не преминули этим воспользоваться. Через месяц после водво-

---

¹ Ibid., p. 155.

² Дантон отлично понял всю важность сохранения за секциями прав, которыми округа завладели в первый год революции; вот почему в «общем уставе Парижской коммуны» (Reglement general pour la Commune de Paris), выработанном депутатами секций, собравшимися в архиепископстве, отчасти под влиянием Дантона и принятом 7 апреля 1790 г. 40 округами, упраздняясь даже общий совет коммуны. Решение вопросов предоставлялось *гражданам, собравшимся в секциях*, за которыми оставлялось право «непрерывности» заседаний. Наоборот, в «муниципальном плане» Кондорсе — будущего жиро-
рондиста, оставшегося верным началам *представительной* системы, коммуна воплощалась в избранном генеральном совете, которому были предоставлены все права (Actes de la commune de Paris, 2^e serie, v. 1, p. XIII).